

РОЗДІЛ 1. ТЕОРІЯ ТА ІСТОРІЯ ПОЛІТИЧНОЇ НАУКИ

Гулиев Б.Ш.

Войны эпохи глобализации: теоретические подходы, реальность и перспективы

В статье рассматриваются войны эпохи глобализации, фундаментальные изменения, происходящие в теоретическом и практическом плане, а также необходимость исследования упомянутой темы с точки зрения формирования новейших моделей ведения войны. Автор с помощью военно-научных понятий объясняет новейшие подходы и концепции о войне, новую (асимметричную) парадигму военных операций, а также определяет их место в военных доктринах разных стран. Кроме того, некоторые аспекты армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта рассмотрены в контексте новых теорий войны. В заключении автор делает попытку систематизировать особенности современных войн, а также размышляет о возможных перспективах.

Ключевые слова: война, эпоха глобализации, современная эпоха, модели войны, военная наука, безопасность, асимметричная парадигма войн.

У статті розглядаються війни епохи глобалізації, фундаментальні зміни, що відбуваються у теоретичному і практичному плані, а також необхідність дослідження згаданої теми з погляду формування нових моделей ведення війни. Автор за допомогою військово-наукових по-

нять пояснює новітні підходи та концепції про війну, нову (асиметричну) парадигму воєнних операцій, а також визначає їхнє місце у військових доктринах різних країн. Крім того, деякі аспекти вірменсько-азербайджанського Нагірно-Карабаського конфлікту розглянуті в контексті нових теорій війни. У висновку автор робить спробу систематизувати особливості сучасних війн, а також розмірковує про можливі перспективи.

Ключові слова: війна, епоха глобалізації, сучасна епоха, моделі війни, військова наука, безпека, асиметрична парадигма воєн.

The article discusses the globalization era wars, the fundamental changes taking place in theoretical and practical terms, as well as the need to study the topics mentioned in terms of the formation of the newest models of warfare. By using military-scientific concepts author explains new approaches and concepts of war, asymmetric paradigm of military operations, as well as, considering their place in the military doctrines of different countries. In conclusion, the author attempts to systematize features post-modern wars and speculates about possible prospects.

Key words: wars, globalization era, modern age, models of war, military science, security, asymmetric warfare paradigm.

УДК 316.42(075)

Гулиев Б.Ш.,
кандидат философских наук, профессор,
Институт философии Национальной
академии наук Азербайджана

XXI век характеризуется радикальными изменениями в системе мирового порядка, неопределенностью перспектив существующей геополитической ситуации. Резкое изменение военно-стратегического баланса под влиянием событий, происходящих на Ближнем Востоке и в других очагах конфликтов, расширение «ядерного клуба» (Израиль, Индия, Пакистан, Северная Корея), появление новых центров военно-политической силы, международный терроризм и невиданный размах диверсий оказали влияние на содержание и форму военных действий в различных точках противостояния.

Характер современных войн или конфликтов постмодерна полностью отличается от войн предыдущих. «Конфликт времен холодной войны лишился своего идеологического стержня. В результате вероятность более или менее крупного вооруженного конфликта в Европе ослабла. Однако место идеологии заняли другие причины конфликтов, что изменило географию последних» [1, с. 88].

Феномен современной войны представляет собой целостную и комплексную стратегию. Сви-

детельством этому стало использование терминов «комбинированная война», «комплексная война». Комбинированная война – это «совокупность войн экономического, информационного, военного и другого содержания» [2, с. 356–357].

В то же время в войнах постмодерна отсутствует традиционная «линия фронта», а борьба идет за «решающие точки», цели. Каждая из противоборствующих сторон старается взять под свой контроль именно эти цели.

Анализ военных конфликтов постмодернизма и теоретическое прогнозирование военных столкновений ближайшего будущего показывают, что основное внимание в военных операциях уделяется отношениям триады «время – пространство – информация». Причем фактор информации является одной из наиболее важных особенностей, характеризующих конфликты постмодернизма.

Теоретические аспекты моделей современных и традиционных войн

Каждый период в истории военного дела имеет технологические и политические свойства, соответствующую модель войны.

В различных трудах и военных энциклопедиях дается различное и достаточно расплывчатое определение сущности понятия «война». Например, война характеризуется как «социально-политическое явление, представляющее собой одну из форм разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия». Однако видно, что к военному насилию не были отнесены, например, информационно-психологическое воздействие на конкурента/врага, «санкции» (экономические, научно-технические и т.д.) [3].

А в других случаях военные операции, соответствующие понятию войны, сформулированному в военно-теоретических работах, по определенным причинам официально оцениваются как «антитеррористические операции», «операции по установлению конституционного порядка» и т.д. [4].

С другой стороны, такие устоявшиеся в общественном сознании понятия, как война с терроризмом, психологические и информационные войны, «газовые войны», «водные войны», экологические и дипломатические войны, санкции или, наконец, «демографическая война» не обязательно сопровождаются применением или угрозой применения средств вооруженного насилия. С военно-научной точки зрения эти понятия не вписываются в традиционное понятие войны, и это в смысле существующих научных концепций войны может считаться оправданным.

Войны, которые имели место в XX веке, были вооруженными конфликтами глобальных масштабов. Фактически все крупные индустриальные страны участвовали во всех этих войнах. Немаловажно, что две мировые войны и сорокалетняя «холодная война» выявили внутренние противоречия западной (европейской) цивилизации, которая породила, кроме «мейнстрима» – либерализма и демократии – такие крайние идеологии, как фашизм и коммунизм.

Даже японский милитаризм и само японское государство возникли в соответствии с западной моделью. В XX веке войны, которые вели западные страны, разделенные на два лагеря, против западных врагов, воспринимались как второстепенные. Так что началом Второй мировой войны официально считается не нападение Японии на Китай, а нападение Германии на Польшу. Большинство государств, не относящихся к европейской цивилизации, были политически неразвитыми, технически отсталыми и в военном отношении слабыми. Начиная со второй половины XX века, страны Запада стали терпеть поражения в отдаленных

регионах мира (Суэц, Алжир, Вьетнам, Афганистан), однако страны третьего мира, хотя и превратились в главную площадку для «свободной охоты» ведущих держав, продолжали оставаться военно-политической периферией.

Заметный прогресс в раскрытии необычной природы новых войн происходил после террористических актов 11 сентября 2001 года. Именно тогда произошла трансформация подходов и взглядов на войну. С того времени исследователи и политики во многих странах начали уделять внимание характеру и политическим аспектам войн нового поколения [5].

Стратегические особенности войн периода глобализации

В XXI столетии в военной стратегии наряду с «нападением» и «защитой» используется еще один фактор – *фактор скорости*.

Другим интересным моментом является то, что войны между ведущими странами, продолжающиеся десятилетиями после Второй мировой войны, ушли в историю. Сегодня в большинстве случаев они применяют свои силы против слабых стран. Это свидетельствует о радикальном изменении характера современных военных конфликтов.

Из всего сказанного можно сделать логический вывод, что научное изучение войн периода постмодерна может развиваться на основе концептуальных систем военной науки, современной политологии и геополитики [6].

Наряду с информационным фактором, который играет решающую роль в современных войнах, необходимо сохранить в поле зрения и политический фактор, поскольку, опираясь на последние достижения в области военно-технической революции, принимаются несправедливые политические решения по поводу военных действий, вводятся санкции, и это является присущим свойством войн нового поколения.

Наконец, неотъемлемой особенностью периода постмодерна является подчинение принятых санкций-решений о военных действиях политике «двойных стандартов».

Одна из важных заслуг К. Клаузевица как классического теоретика войны (1780–1831) состоит именно в том, что он впервые охарактеризовал войну как продолжение государственной политики насильственными средствами, т.е. средствами вооруженной борьбы [7].

Немецкий ученый Г. Мюнклер в своей книге «Новые войны» отмечает: «Клаузевиц описывал войну как «подлинного хамелеона», всегда изменчивого и меняющего свой облик в зависимости от различных социополитических условий, в которых она ведется. Клаузевиц пояснил эту метафору, выделив три элемента войны: 1) насилие как первоначальный ее элемент; 2) творчество,

миссия стратегов; 3) рациональность политиков, принимающих решения» [8].

Это не только определение войны в качестве категории военной политологии, а исходное положение системного анализа войны, которое политику государства рассматривает как определяющий императив войны. Именно политические цели государства составляют системообразующий фактор его военной организации. Как утверждал Клаузевиц, политические намерения являются целью, война же только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели [9].

Политические цели войны Клаузевиц разделил на ограниченные (частичное ограничение суверенитета противника) и неограниченные (полное политическое уничтожение противника). Если политические цели осуществляются со стороны политической системы, то военные цели достигаются вооруженными силами. Например, стратегическое ядерное сдерживание угрозы агрессии путем «ядерного баланса» («баланс устрашения») является политической целью, а в случае агрессии поражение экономики противника в ответном ударе следует отнести к военным (стратегическим) целям. Однако видимое противоречие целей не нарушает того глубокого единства, внутренней связи и взаимообусловленности между эффективностью «ядерного баланса» и эффективностью ответного удара [10].

Необходимо отметить, что, анализируя классическую форму ведения войны, исследователи не обратили внимания на фактор «скорость и информация», это еще раз доказывает необходимость формирования постмодернистской теории войны. Спектр используемых инструментов в современных войнах наряду с фактором скорости варьируется от традиционной пропаганды и агитации до применения новейших технических средств [11].

Как отмечает автор исследования, суть этих операций состоит в отказе от физического уничтожения противника. Основное внимание при этом уделяется изменению поведения врага до такого уровня, что он начинает психологически настраиваться на возможные результаты от капитуляции и отказа от вооруженного сопротивления. В это время новые средства воздействия не исключают применение силы, однако главное внимание уделяется применению таких несиловых средств, как информация, психологическое давление и т.д.

Одновременно предусматривается использование дипломатии, экономическое и политическое давление на противника. Такой подход, по сути, означает применение силы, однако не только с целью уничтожения вооруженных сил и материальной инфраструктуры противника, но также для воздействия на его психологическое состояние, даже на мышление.

Теоретическое осмысление войн и вооруженных конфликтов XXI века поставили перед исследова-

телями новые задачи. Одной из них является поиск ответа на вопрос: как в условиях огромного технологического разрыва, многократной разницы в военной и экономической мощи слабой стороне победить сильного противника?

Уточнить представления об особенностях современной войны можно с помощью так называемого фактора асимметрии [12]. Термин «асимметрия» привлекает все больше внимания исследователей, однако используют его часто недостаточно точно [13].

Исторически существовала идея о возможности победить большие армии с небольшой силой, «сильных с умом слабых или обманом», это нашло свое отражение в легенде о противостоянии Дэвида и Голиафа в долине Эла три тысячи лет тому назад [14].

Другими словами, в современной войне мобилизация всех возможностей для правильной оценки потенциала победы обусловила формирование асимметричной парадигмы.

В современных межгосударственных отношениях отмечается в основном два мотива в возникновении конфликтов: 1) борьба за выживание маленьких государств; 2) амбиции великих держав, которые претендуют на роль гегемона. Асимметричные политические стратегии проявляются в военно-политической сфере, в проведении асимметричных военных операций и в появлении асимметричных угроз. Следует отметить, что немало исследователей находят стратегические и тактические сходства между моделями классической войны и партизанскими войнами, теоретические основы которых разработаны Мао Цзедунем. Мао Цзедун отказался от принципа ускорения военных действий, поскольку его «крестьянская армия» не смогла бы одержать победу над большой армией, в качестве стратегии партизанской войны он выбрал «долгую, изнурительную войну». Таким образом старался превратить «свою слабость в силу», вызвать у врага истощение (например, война во Вьетнаме) [15].

В противоположность этому в асимметричных войнах воюющие стороны имеют одинаковые темпы [16, с. 48].

Достижения в области военной информации и применение высокоточных технологий изменили характер асимметричных войн с точки зрения скорости и времени. Асимметричные войны нередко возникают, когда другая сторона ощущает опасность от превосходящего ее противника и не может ответить ему симметрично, используя типологически те же силы и средства проецирования угрозы, которые использует тот. События 11 сентября показали, что никакая технология не может страховать сверхдержаву от угроз. В режиме реального времени весь мир стал свидетелем того, как в этом террористическом акте фактор

скорости было использовано в качестве оружия против самого противника.

В военной истории немало кампаний, выигранных вооруженными силами, которые имели симметричные возможности. В 1989 году в издании *Marine Corps Gazette* была опубликована статья, авторы которой положили начало дискуссии о «войнах четвертого поколения». Существуют идеи и факторы, определяющие сущность войн четвертого поколения, вызывающие асимметричную войну. Некоторые из них были охарактеризованы исследователями. Первой идеей является «приказ, ориентированный на выполнение боевой задачи». Каждый раз переход к новому поколению был отмечен все большим рассредоточением сил на поле боя.

Второе – это снижение зависимости от централизованной системы логистики. Рассредоточение вместе с всевозрастающим значением быстроты потребует высокой степени готовности к тому, чтобы поддерживать существование за счет окружающей местности и противника. Третий элемент, который, вероятно, унаследует четвертое поколение, – это больший акцент на маневр. Массирование и огневая мощь перестанут быть решающим фактором. Четвертой ключевой идеей станет направленность действий на достижение внутреннего коллапса сил противника, а не на их физическое уничтожение. В целом представляется, что военные действия четвертого поколения будут в высшей степени рассредоточенными и по большей части неопределенными; разделительная черта между миром и войной будет размыта вплоть до полного исчезновения [17].

Асимметричные угрозы требуют совершенно новых стратегий противодействия им. Важнейшими формами и способами такого противоборства являются терроризм, партизанская война, «цветные» революции, провоцирование экономических кризисов и др. Существенным элементом повышения эффективности противоборства нового типа является стратегическое информационное противоборство, используемое для управления поведением противостоящей стороны. Полученные практические результаты послужили инициатором новой волны интереса со стороны иностранных военных экспертов к проблеме совершенствования научно-методических основ противоборства в условиях глубокой трансформации современного общества под влиянием процессов глобализации и осмысления понятия «четвертое поколение противоборства».

Революция в военном деле в ее технологических проявлениях действительно меняет характер военных операций как в масштабных конфликтах, так и в войнах малой интенсивности, но связанные с РВД изменения в системе боевых действий не влекут за собой автоматически изменений при-

роды военного конфликта. Сама технология мало влияет на то, каким образом военная сила используется в политике. Рассмотрения только технологического фактора недостаточно для теоретического осмысления политических аспектов современной войны и выработки практических рекомендаций для военного планирования. Заметна и тенденция к «приватизации» военно-силовых полномочий государств: стало распространяться (не афишируемое Вашингтоном) использование гражданских подрядчиков в целях обеспечения правопорядка в Ираке. Государство оказывается заинтересованным в снятии с себя части функций, связанных с использованием военной силы [5].

Итак, на глазах происходят изменения, которые ведут к существенным изменениям сложившейся системы «центр – полупериферия – периферия», что также является причиной значительных региональных и глобальных конфликтов. Пространство, которое имеет тяжелые последствия проекта «Большой Ближний Восток», охвачено войнами. Всё больший вес приобретает Азиатско-Тихоокеанский регион, возникла структура БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика), Россия делает первые шаги по интеграции постсоветского пространства, Иран и Турция претендуют на роль региональных лидеров (а возможно, и на глобальную роль, если получится возглавить исламский мир). Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива идет по пути Западной Европы, формируя основы единой финансово-экономической политики и военной системы.

Систематизируя основные тенденции и особенности войн эпохи глобализации, приведенные в статье, можно отметить следующее:

- тенденции «приватизации» военно-силовых полномочий государств, «коммерциализации» войн со стороны военно-промышленных комплексов;
- транснационализация войн. В этих войнах, обусловленных глобализацией международного терроризма, государственные границы не играют никакой роли и в то же время они не являются межгосударственными войнами (например, самопровозглашенный ИГИЛ);
- использование высокоточной технологии для поражения целей;
- открытое использование войн между субъектами, которые не имеют легитимного государственного статуса (*guerra-партизан*);
- демилитаризация войны – ведение боевых действий без живой силы с помощью дронов (беспилотными самолетами) и т.д.;
- рост значения фактора информационного превосходства как наиболее эффективного и перспективного средства достижения военно-политических целей;

- снижение зависимости от централизованной системы логистики;
- большой акцент на маневр;
- направленность действий на достижение внутреннего коллапса сил противника, а не на их физическое уничтожение;
- военные действия будут по большей части неопределенными, разделительная черта между миром и войной будет размыта вплоть до полного исчезновения;
- наряду с информационным фактором должен учитываться также политический фактор. Так, опираясь на последние достижения в области военно-технической революции, принимаются несправедливые политические решения по поводу военных действий, вводятся санкции, все это является присутствующим свойством войн нового поколения;
- подчинение принятых санкций-решений о военных действиях политике «двойных стандартов» стало неотъемлемой особенностью периода постмодерна;
- говоря о войнах эпохи глобализации, необходимо отметить, что процессы, идущие в настоящее время в мировой цивилизации, однозначно говорят о приближении крупномасштабных военных конфликтов. Можно сказать, что ярким примером являются наращивания масштабов гонки вооружений, которые отмечаются почти во всех регионах планеты, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе и арабском мире;
- попытки самопровозглашенного ИГИЛ, который приобрел самую жестокую форму международного терроризма в XXI столетии, создать «Великий халифат» создавали условия для испытания новых форм войны. Тактика коалиционных сил в войне против террористических групп и комбинирование традиционной «стратегической тройки» (воздух – земля – море) с различными инновациями, стремление большинства крупных стран мира вести совместные операции с использованием результатов военной информационной революции также относятся к упомянутым новшествам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Creveld M. van. *Technology and War II: Postmodern War?* / Martin van Creveld // *The Oxford History of Modern War* / ed. C. Townshend. – New York : Oxford University Press, 2000.
2. Mudren S.W. *The Problem of Force: Grappling with Global Battlefield* / S.W. Mudren. – Boulder : Lynne Rienner Publishers, 2009.

3. Tucker D. *Terrorism, Networks, and Strategy: Why the Conventional Wisdom is Wrong* / D. Tucker [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.hsaj.org/articles/122>.
4. Гладуэлл М. Давид и Голиаф: Как аутсайдеры побеждают фаворитов / Малкольм Гладуэлл. – 2014.
5. Степанова Е.А. *Государство и человек в современных вооруженных конфликтах* / Е.А. Степанова // *Международные процессы*. – 2008. – Т. 6. – № 1(16).
6. *Ассиметричные войны четвертого поколения* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://politinform.su/>.
7. Creveld M. van. *The Transformation of War* / Martin van Creveld. – New York : Simon & Schuster Inc., 1991 ; Raymond Aron, *Der permanente Krieg*, Frankfurt/M., 1953.
8. *Past Revolutions Future Transformations: What Can the History of Revolutions in Military Affairs Tell Us About Transforming the U.S. Military?* MR-1029-DARPA. RAND. – 1999. – P. 42.
9. Clausewitz C. von. *On War* / Carl von Clausewitz ; ed. and transl. by Michael Eliot Howard and Peter Pare. – 1989. – 752 s.
10. Балувев Д.Г. *Личностная безопасность: международно-политическое измерение* / Д.Г. Балувев. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2004 ; Балувев Д.Г. *Конфликт, которого никто не ждет* / Д.Г. Балувев // *Pro et Contra*. – 1998. – Vol. 3 ; Балувев Д.Г. *Приватизация военно-силовых функций государства и ее последствия мировой системы и для России* / Д.Г. Балувев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 3. – С. 64–70.
11. Дериглазова Л.В. *Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными* / Л.В. Дериглазова. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2009.
12. Arreguin-Toft I. *How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict* / I. Arreguin-Toft // *International Security*. – 2001. – Vol. 26. – No. 1. – P. 93–128. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://web.stanford.edu/class/polisci211z/2.2/Arreguin-Toft%20IS%202001.pdf> ; Paul T.V. *Asymmetric Conflicts: War Initiation by Weaker Powers* / T.V. Paul. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994.
13. Балувев Д.Г. *Политика в войне постиндустриальной эпохи* / Д.Г. Балувев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.intertrends.ru/nineth/002.htm>.
14. *Войны 4-го поколения (4GW)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://war-conflicts>.
15. *За кулисами гражданской войны в Китае* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/h/lavrenov_popov/03.html.
16. Балувев Д.Г. *Личностная безопасность: международно-политическое измерение* / Д.Г. Балувев. – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2004.
17. *«Ассиметричная война» четвертого поколения* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://topwar.ru/>.